

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

DOI: 10.34130/2223-1277-2019-2-35-50

Т. Ф. Волкова

Осмысление библейских сюжетов книжником-старообрядцем XIX в. И. С. Мяндиным

Статья посвящена проблеме трансформации библейских сюжетов в сознании крестьянских писателей XIX в. из старообрядческой среды, их переосмысления и дальнейшей разработки отдельных образов. Материалом исследования послужили четыре рассказа печорского книжника И. С. Мяндина, основанные на ветхозаветных сюжетах об Иосифе Прекрасном, царе Соломоне, Юдифи и Самсоне, которые дошли до нас в нескольких разных версиях, созданных усть-цилемским крестьянином.

Ключевые слова: библейские сюжеты, литературные переработки древнерусских произведений крестьянами XIX в., Усть-Цильма, И. С. Мяндин

T. F. Volkova. Understanding the biblical scenes of the 19th century Old Believer scribe I. S. Myandin.

The article is devoted to the problem of transformation in the minds of 19th century peasant writers. from the Old Believer environment of biblical scenes, their rethinking and further development of individual images. The material of

the study was the four stories of the Pechora scribe I. S. Mjandin, based on the Old Testament scenes about Joseph the Beautiful, King Solomon, Judith and Samson, which came to us in several different versions created by the Ust-Tsilem peasant

Keywords: *biblical scenes, literary processing of ancient works of peasants of the XIX century, Ust-Tsilma, I. S. Miandin*

Одно из интереснейших направлений современной медиевистики занимается исследованием функционирования древнерусской литературы за пределами Средневековья. С развитием полевой археологии в XX в. и образованием ряда новых хранилищ рукописей, найденных в старообрядческих центрах (в Архангельской, Пермской областях, на Урале, в Сибири, на Нижней Печоре), открылся ряд имен книжников из числа крестьян-старообрядцев, которые проявили себя не только как авторы старообрядческих сочинений, но и как редакторы древнерусских повестей и сказаний, которые зачастую на их основе создавали, по сути дела, новые произведения. И перед исследователями этого пласта народной словесной культуры встала задача охарактеризовать, как средневековые, а нередко и более древние, сюжеты трансформировались в художественном сознании демократических писателей.

Одним из таких книжников, создавших большое количество литературных переработок древнерусских произведений, был устьцилемский книжник, выходец из семьи старообрядческих наставников Иван Степанович Мяндин (1823—1894). К настоящему времени выявлено 392 созданных им списка памятников древнерусской и старообрядческой литературы. Они сосредоточены как в отдельных, составленных Мяндиным (полностью или почти полностью) сборниках [1], так и в составе сборных рукописей, объединяющих разновременные части и XVIII, и XIX, и XX вв., написанные разными писцами. В таких сборниках своеобразный полууставной почерк И. С. Мяндина легко узнаваем. Особенное значение в том аспекте, который мы обозначили в начале статьи, имеют те мяндинские списки древнерусских сочинений, которые обнаруживают явные признаки переработки их печорским книжником XIX в.

И. С. Мяндина как редактора древнерусских повестей открыл В. И. Малышев [2], первый собиратель старинных рукописей на

Печоре. Позднее к изучению мяндинского рукописного наследия обратились и другие исследователи (см. историографический обзор в статье [3, с. 842—846]). Последние двадцать лет изучением литературных редакций И. С. Мяндина занимается автор статьи, привлекая к этой работе своих студентов. В настоящее время общими усилиями всех исследователей выявлено около 50 переработок печорского книжника, исследованных с разной степенью глубины.

Особый интерес И. С. Мяндин проявил к библейским сюжетам. Его рукой написано 34 рассказа на библейские ветхозаветные темы, начиная с сюжета Книги Бытия о создании первого человека. Многие из этих мяндинских рассказов до сих пор не изучены, но те, которые удалось исследовать текстологически, дают богатый материал для характеристики особенностей художественного сознания и исторических представлений И. С. Мяндина, которые выявляются при сопоставлении мяндинских рассказов с его источниками.

Помимо Библии Мяндин ориентировался на текст какого-то хронографа особой редакции, который был в его библиотеке. Судьба этой рукописи проясняется из письма печорского книжника санкт-петербургскому обер-полицмейстеру (ИРЛИ, УЦ 301)¹, в котором он жалуется на писателя С. В. Максимова, который во время своей поездки на Нижнюю Печору в 1856 г. [4, с. 14] попросил у Мяндина на время три рукописных сборника (в том числе и Хронограф), но так и не вернул их книжнику. Следы обращения Мяндина при создании своих рассказов на ветхозаветные сюжеты и к библейскому, и к хронографическому источникам обнаруживаются во всех исследованных нами списках, но в разной степени.

Списки мяндинских версий библейских сказаний сосредоточены в четырех его сборниках — ИРЛИ; Усть-Цилемском собр. (далее — УЦ) 66, л. 1—115 (в составе хронографической компиляции «Историческое описание от сотворения мира» [5, с. 112—115]); УЦ 267, л. 5—259 об. (в составе усть-цилемской компиляции «Книга, глаголемая Гранография, сиречь историческое описание жизни от первых человек до последних» [6, с. 604.]) и сборнике РНБ НСРК О. 100, л. 120—180 из собрания проф. М. А. Яковлева (далее — Як.),

¹ См. описание [7, с. 452]

который получил этот сборник от В. И. Малышева для работы со студентами (в составе хронографической компиляции: «Выписано из книги Гранографа повѣсти полезныя о древнихъ мужех, како они препроводили здѣ жизнь добрую». Краткие варианты сказаний были переписаны Мяндиным в сборнике ИРЛИ, УЦ 69 [5, с. 119]. Как правило, Мяндин переписывал особенно понравившиеся ему сюжеты не один раз, а создавал два или три списка, существенно отличающиеся друг от друга. «Алгоритм» вхождения Мяндина в новый сюжет выявила Е. К. Ромодановская на материале трех мяндинских списков Повести о гордом царе Аггее: на первом этапе книжник мало изменял текст источника, перерабатывая лишь те эпизоды, которые были близки его крестьянскому опыту, на втором этапе он редактировал свой текст, устраняя неточности, внося некоторые новые детали, а на третьем — полностью перерабатывал текст, пересказывая сюжет своими словами [8, с. 216—226]). Впоследствии этот характер работы Мяндина над несколькими списками одного и того же произведения подтвердился и при изучении автором других сюжетов, несколько раз переработанных Мяндиным, в том числе и библейских.

В своих наблюдениях автор опирается на всестороннее исследование пяти библейских сюжетов, переработанных Мяндиным: это сказания об Иосифе Прекрасном, царе Соломоне, богатыре Самсоне и героической Юдифи. Все они дошли в трех названных ранее сборниках. Причем оказалось, что по степени переработки исходного сюжета все мяндинские списки этих сказаний обнаруживают общую закономерность — самая первая, наиболее близкая к источникам, версия читается в сборнике ИРЛИ, УЦ 267; вторая стадия переработки этих сюжетов отразилась в сборнике ИРЛИ, УЦ 66; а третья — в Як. Рассмотрим, как перечисленные сюжеты были переработаны печорским книжником, как в его сказаниях были переосмыслены образы их главных героев.

Наиболее интересная переработка была сделана Мяндиным на основе библейского сюжета об Иосифе Прекрасном. Во второй мяндинской версии УЦ 66¹ заявляет о себе автор-крестьянин, стремя-

¹ См. издание списка [9, с. 283—291]. При цитировании его страницы указываем по этому изданию в скобках после текста.

щийся подчеркнуть в своем герое трудолюбие, творческое начало и умение повлиять даже на сурового «начальника»: попав к Потифару, выкупившему его у купцов, которым Иосифа продали братья, Иосиф сначала становится простым пастухом и в этой роли проявляет «творческую инициативу» (*«ко удивлению всѣхъ пастырей»*) он сооружает из пальмовых «древъ» и дёрна некую «сѣнь», украшает ее цветами и звуками лиры, привлекая сюда *«многих окрестных пастырей»* — с. 285). Этот мотив отсутствует в источниках Мяндина и введен именно им.

Постепенно меняется от варианта к варианту и образ Иосифа как объекта любовной страсти жены Потифара, которая у Мяндина обретает имя Далуки. Если в первой редакции УЦ 267¹ Мяндин сохраняет трактовку образа Иосифа, позаимствованную в Слове Ефрема Сирина (главном источнике Мяндина), изображая Иосифа прежде всего как праведника, смиренно переносящего попытки жены Потифара соблазнить его и последующую ее клевету, приводящую его в темницу, то в третьем списке (Як.²) в сцене соблазнения Далукой Иосиф из непоколебимого праведника превращается в смущенного мужчину, который, видя перед собой прекрасную обнаженную женщину, начинает колебаться в своей аскетической позиции, что сразу замечает влюбленная Далука, которая *«восторжествовала, увидя Иосифа, яко соизволяюща, бросилась к нему в объятия»* (с. 293). И только после этого в списке Як. Иосиф *«спомнилъ свою Селиму (невесту Иосифа, которая появляется в этой редакции Мяндина. — Т. В.) и Иякова»*, и *«какъ стрела из лука бросился вонъ из саду»*, оставив свою ризу в руках Далуки (там же).

Меняется от редакции к редакции и образ соблазнительницы Иосифа. Если в первоначальной версии УЦ 267 она предстает как коварная блудница, то уже во второй редакции УЦ 66 образ Далуки теряет жесткие черты соблазнительницы, наущаемой сатаной. Под пером Мяндина она превращается в любящую и страдающую от неразделенной любви женщину, которая вызывает у читателя не осуждение, а скорее сочувствие и сострадание. Это достигается ре-

¹ См. издание списка [9, с. 277—83].

² См. издание списка [9, с. 291—296].

дакторской работой Мяндина на лексическом и фразеологическом уровнях: «желание блудное» как двигатель всех поступков Далуки в первой редакция УЦ 267 заменяется любовью (Далука в списке УЦ 66 «уязвися любовью», которая настолько овладела ею, что она «не могла... утаитися» (с. 285)).

По-иному оформляется и страстный призыв Далуки в УЦ 267: «Лязи со мною, Иосифе, яко да насладимся обои» (с. 279). В списке УЦ 66 она обращается к Иосифу со словами любви и недоумения, почему он избегает ее, и в подкрепление своего права на любовь обращает его внимание на статуи богов — Венеры и Марса, как бы наглядно иллюстрирующих красоту любовных отношений: «О милый Иосифе, чесо ради гнушаешия мене, госпожи своя, возлюбившия тебѣ сердечно? Почто убѣ гаеши и не повеселишися со мною, почто не идеши в мои объятия, яко же и се бози наши любящеся?» (с. 285). После чего «показа на Венеру обнаженную, держащую Марса во объятиях своих» (там же).

В третьей мяндинской редакции Сказания (Як.) в образе Далуки еще более подчеркивается искренность ее чувств. В сцене соблазна встреча ее с Иосифом рисуется Мяндиным как нечаянная, а не подстроенная Далукой, и все последующее ее поведение приобретает характер экспромта. Мяндин вставляет в ее речь, обращенную к Иосифу, упоминание невесты Иосифа — Селимы: «И со словом обнажи всѣ свои члены донага и сказа: «Виждь, Иосифе, мои члены, нѣ ужели лучше моихъ у твоей Селимы?»» (с. 293). Так Мяндин, усть-цилемский крестьянин конца XIX в., представлял себе поведение влюбленной женщины, охваченной ревностью.

Как видно из приведенных примеров, библейские герои ветхозаветных времен воспринимались усть-цилемским крестьянином хотя и в рамках достаточно экзотического библейского сюжета, но как вполне соотносимые по житейским проблемам их бытия с его собственным жизненным опытом. Драматические коллизии, в которые они попадали, воспринимались им не отстраненно, а с живым участием, которое заставляло редактора искать от варианта к варианту наиболее жизненно убедительные мотивы их поступков, слова и жесты, отражающие их душевное состояние, а крестьянский опыт обусловил введение новых мотивов, которые в герое из знатного израильского рода, ставшем пастухом на чужбине, подчеркивали его тру-

долголюбие, умение в любом положении оставаться полезным простым людям, проявлять творческую инициативу при выполнении даже самой простой работы¹.

В другом рассказе Мяндина — о Соломоне², третьем царе Израильско-Иудейского царства (правление его относится к 970/969—931 гг. до н. э.), известном по библейским сюжетам своей мудростью, обнаруживается постепенное переосмысление пещорским книжником образа иудейского царя. Сначала, во второй редакции сказания УЦ 66, где Мяндиным «создается противоречивый образ царя Соломона: ему присущи одновременно религиозность и «светскость», мудрость и хитрость, Образ царя намеренно снижен (Соломон не лишен человеческих слабостей), приближен к простому читателю» [10, с. 80]. Так, в этой редакции мотив женолюбия Соломона, присутствующий и в Хронографе, и в списке первой мяндинской редакции УЦ 267, обогащается подробным описанием придворной жизни Соломона: *«царь Соломонъ с прекрасными царевнами и княжнами обѣ далъ и наслаждался земными сладостями. А потомъ имѣлъ охоту разгуливать по прекрасным садам и аллеям с тѣми же дѣвцами и вельможами и предстоящими юношами»* (с. 63). Это описание в УЦ 66 имеет не только конкретизирующую, но и мотивирующую функцию: читателю становится более понятен конец повествования о судьбе Соломона, наказанного Богом за то, что он пошел на поводу у своих жен-язычниц, так как ранее уже рассказано о пагубном пристрастии царя к *«прекрасным царевнам и княжнам»*. Такой финал появляется лишь на второй стадии работы Мяндина над сюжетом о Соломоне. Но на третьей стадии редакторской работы (Як.) Мяндин отказывается от такой трактовки образа Соломона, всячески стараясь идеализировать его. Эта тенденция проявляется в Як. на всем протяжении повествования: о мудрости Соломона сообщается в самом начале повествования, еще до описания его вступления на престол (сюда помещается рассказ об испытании Богом Соломона, в ходе которого из всех предложенных ему даров он выбирает мудрость;

¹ Подробнее об этой переработке Мяндина см. [9, с. 261—276].

² См. издание текста по трем спискам [11, с. 56—67]. Страницы по этому изданию указываем в скобках после цитат

строительство Соломоном храма рисуется как осуществление пламенного желания самого Соломона, а не только как повеление Бога; из рассказа устраняются все эпизоды, снижающие образ Соломона (эпизод «поединка» Соломона с демонами, когда он уступает им и все же поклоняется духам); ослаблена тема женолюбия Соломона: царь в этом списке всегда окружен не прекрасными девицами, а вооруженными юношами); способствует этому и концовка рассказа. Яхве прощает Соломону его измену (поклонение сидонскому кумиру), так как он лишь *«по наружности приступи к языческим богам (...), но мыслию не отступаше от истиннаго Бога»* (с. 67).

В разработке другого библейского образа — богатыря Самсона¹, последнего из великих судей израильских, обладавшего сверхъестественной силой и преданного своей возлюбленной Далидой² (Суд. 13—16), отчетливо проявились стремление печорского книжника к героизации библейского персонажа, переоценка мотивов, движущих им в его борьбе с филистимлянами, народом, давшим свое имя Палестине, занявшим в Ханаане плодородные земли по побережью к югу от горы Кармил и вступившим в конфликт с соседствующими израильскими племенами.

В Библии, по словам польского исследователя З. Косидовского, «Самсон не является вождем, который, подобно другим судьям, организует сопротивление угнетателям. (...) Его действия продиктованы не столько патриотизмом, сколько желанием свести личные счеты. И только в конце сказания образ Самсона отчетливо возвеличивается, становится героическим и подлинно трагическим» [12, с. 253]. В интерпретации Мяндина Самсон с самого начала обнаруживает это героическое начало в своей борьбе с филистимлянами. Поддерживаемый Богом, Самсон по пути в землю филистимлян убивает льва и его челюстью (а не ослиной, как во всех предшествующих версиях сюжета) побивает филистимлян, «яко не оста не одного», а затем захватывает их «грады» и «веси», «пления и побивая» их жителей. В результате филистимляне просят пощады и отдают ему в

¹ См. издание мяндинских списков сказания [11, с. 75—82]. Страницы по этому изданию указываем в скобках после цитат.

² Так зовут эту ветхозаветную героиню в синодальном переводе Библии, так ее называет и Мяндин в своих списках Сказания о ней.

жены свою соотечественницу. При этом и традиционный мотив загадывания загадки, которую Самсон задает филистимлянам, так перерабатывается, что читателю становится ясно: Самсоном движет не корыстный интерес, а государственный. Если в источниках Мяндина (основной — рассказ Хронографа) при загадывании загадки филистимлянам Самсоном движет меркантильный интерес: он рассчитывал заполнить легким способом множество богатых одежд, предложив родственникам жены отгадать загадку, которую невозможно разгадать, то во второй и третьей мяндинских версиях Самсоном движет государственный интерес: разгадывание врагами-иноплемениками заведомо неразрешимой загадки Самсона предлагается им как условие его бездействия — ненападения на филистимлян. В конце сказания Самсон рисуется Мяндиным как человек, обладающий чувством собственного достоинства. Если в источниках Мяндина подвиг Самсона, обрушившего здание, в котором собрались филистимляне, мотивируется силой вновь отросших у него волос, то во второй и третьей версиях мяндинского рассказа этот мотив опущен, в силу чего в повествовании появляется другая, вполне земная и в то же время вполне героическая мотивировка возвращения к Самсону былой силы: выставленный на посмешище толпе филистимлян, он *«не возлюбил ругания ихъ»* и *«абие напрасно привлекъ обои столпы и совукупи вмѣсто»* (УЦ, 66, с. 80), что и привело к обрушению крыши дома на всех собравшихся. Таким образом, у Мяндина Самсон, даже не вернув себе чудесную силу волос, смог обрушить кровлю дома на филистимлян, не в силах перенести унижения от врагов.

Интересно, что вместе с этим усиленным героическим началом в образе Самсона Мяндин подчеркивает совершенно другие, составляющие контраст с его героикой и физической силой черты. Богатырь Самсон рисуется Мяндиным наивным и доверчивым. Если в библейском повествовании Самсон уступает просьбе жены открыть ей, в чем причина его невероятной силы только после ее семидневного плача, то у Мяндина, когда Далида только *«нача вопрошати»* своего супруга *«с лестию»*, Самсон *«не внятъ лести лукавыя жены и сказа ей все поряду»* (УЦ 66, с. 79)¹.

¹ См. подробнее об этой переработке Мяндина [14].

Хочется отметить также еще одну грань осмысления Мяндиным ветхозаветных сюжетов. Она связана с его христианскими представлениями и идеями, которые особенно активно впитывали в себя представители старообрядческого движения. В частности, они склонны были к провиденциальному восприятию истории и жизни каждого человека. Провиденциальное усиление сюжета заметно в целом ряде переработок Мяндина (например, в одной из мяндинских редакций Повести о царице и львице [13]).

В сказании об Юдифи¹ также можно обнаружить предпочтение Мяндиным провиденциальной трактовки событий исторической. Интересным в этом отношении представляется тот факт, что в переработке сюжета о Юдифи Мяндин больше следует не за хронографическим рассказом, ориентированным на изложение конкретного хода событий, а за библейским повествованием, в котором ощущается провиденциальное освещение событий. Причем ряд мотивов библейского сказания, имеющих провиденциальный подтекст, сохранен Мяндиным во всех трех созданных им списках сказания о Юдифи. Так, печорский книжник вслед за библейским текстом рассказывает о молитве к Богу напуганных приходом войск Олоферна жителей Иерусалима², которые *«пришедше ко храму Господню, и падше, и посыпаша перстию главы своя, и возопиша ко Господу»*, прося его не дать *«в расхищение младенецъ, и жен в поругание, и святая в осквернение»* (УЦ 267, с. 89). Это молитвенное обращение к Богу иерусалимцев делает провиденциально мотивированным дальнейший рассказ о решении Юдифи отправиться в лагерь врагов: *«И услыша Господь гласъ ихъ, и посла имъ помощь свою сице»* (УЦ, 267, с. 89), после чего следует рассказ о принятом Юдифью решении идти к Олоферну. Таким образом, Юдифь предстает у Мяндина, как и в библейском рассказе, посланницей Бога, призванной спасти еврейский народ. Сохраняет И. С. Мяндин и другой провиденциальный мотив, почерпнутый также в Библии: Юдифь во время пребы-

¹ См издание списков Мяндина [11, с. 88—100].

² Мяндин заменил городок Ветилуя — родной город Юдифи, находившийся, согласно Библии, в долине Ездрилона и охранявший путь к Иерусалиму, более известным печорским крестьянам иудейским городом — Иерусалимом.

вания ее в лагере Олоферна ежедневно — через молитву — поддерживает связь с Богом: *«И исхождаше к нощи в дебрь, и умывашеся во источницѣ, и моляшеся Богу, да управитѣ путь ея»* (УЦ, 267, с. 91). Провиденциальному звучанию рассказа у И. С. Мяндина способствует и концовка Сказания, где в контексте молитвенной благодарности народа за изгнание врагов из Иерусалима упоминается наряду с Богом и Юдифь, что дорисовывает ее образ исполнительницы божественной воли.

Иногда в сознании Мяндина происходит смешение ветхозаветной и новозаветной истории, и он приписывает ветхозаветным героям поступки, которые мог бы совершить только христианин. Так, царь Соломон у Мяндина, оставшись в открытом море после кораблекрушения без спасительной «печати»¹, с помощью которой он мог управлять демонами (мотив, почерпнутый Мядиным из апокрифического источника²), обманывает демонов, сделав вид, что поклоняется злым духам, а на самом деле поклоняется «на свою руку», на которой было изображение «Спасителя». Так, по воле печорского книжника его библейский персонаж Соломон становится христианином.

Мы рассмотрели далеко не все примеры переработки И. С. Мяндиным библейских сюжетов. Но и то, что представлено в статье, показывает печорского книжника не простым копиистом библейских сюжетов, а самостоятельно мыслящим писателем из крестьянской среды, наделяющим своих героев новыми чертами характера, привычками, идеологическими ориентирами. При этом синкретизм мяндинского сознания, в котором сосуществовали и христианские

¹ В Талмуде подробно передается легенда о перстне с выгравированным на нем именем Бога, при помощи которого царь Соломон укрощал демонов. «Печать» представляла собой символ из двух наложенных друг на друга равносторонних треугольников (Звезда Давида) [15].

² Легенда о Сломоновой печати была широко распространена в древнерусской литературе, особенно в списках XVII—XIX вв. См., например, «Повесть о рождении и похождениях царя Соломона» [16, с. 455—461]. Апокриф «О печати царя Соломона» читается и в сборнике с мяндинскими переделками ИРЛИ УЦ 66 (л. 238—240), откуда печорский книжник и мог почерпнуть этот апокрифический мотив.

идеи, и бытовой опыт прагматичного крестьянина, и мотивы и образы фольклора, которым была богата Усть-Цильма, и старообрядческие приоритеты в мире христианских идей, приводил к тому, что на разных этапах осмысления библейского сюжета его трактовка библейских образов могла меняться, и новая тенденция в осмыслении материала в корне меняла и сам сюжет, и характеристики его главных героев.

Таким образом, старообрядческая крестьянская литература XIX в., как мы видим на примере таких народных писателей, как И. С. Мяндин, устанавливала своеобразный мост между ветхозаветной древностью и средневековыми историческими сочинениями (Хронограф), наполняя созданные в них сюжеты и образы новым содержанием, приближая эти далекие сочинения к жизни русских крестьян совсем другой эпохи, живущих в «новое» время совсем в других природных и социальных условиях.

Библиографический список

1. Волкова Т. Ф. Рукописные сборники печорского книжника И. С. Мяндина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2011. Т. 10. Вып. 8: Филология. С. 201—215.
2. Малышев В. И. Усть-Цилемская обработка Повести о царице Персике // Исследования и материалы по древнерусской литературе: сб. ст. / АН СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Вып. 1. С. 326—337.
3. Волкова Т. Ф. Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 839—890.
4. Лебедев Ю. В. Сергей Васильевич Максимов (1831—1901) // Максимов С. В. Избранные произведения: в 2 т. М.: Художественная лит-ра, 1987. Т. 1. Год на Севере. Ч. 1 и 2. С. 3—24.
5. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 1960. 215 с.
6. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 17. С. 561—604.

7. Малышев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 18. С. 442—457.

8. Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX вв. / отв. ред. Л. А. Дмитриев. Новосибирск: Наука, 1985. 384 с.

9. Волкова Т. Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2005. 306 с.

10. Михайлова М. В. Библейский сюжет о царе Соломоне в хронографической и печорской редакциях // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев», Сыктывкар, 15—16 мая 2008 г.: к 20-летию Отд. ред. и рукоп. кн. Науч. б-ки Сыктывкар. гос. ун-та. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 72—82.

11. Волкова Т. Ф. Неизданные литературные переработки усть-цилемского книжника И. С. Мяндина (1823—1894) // Книжные центры Республики Коми: Усть-Цилемский район: сборник материалов и исследований / отв. ред. Т. С. Канева. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. Вып. 2. С. 19—116. (Слово и текст в контексте культуры).

12. Косидовский З. Библейские сказания. М.: Политиздат, 1968. 456 с.

13. Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России: [сборник] / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1987. С. 234—249. (Археография и источниковедение Сибири).

14. Волкова Т. Ф. Библейский сюжет о Самсоне и Далиде в обработке печорского крестьянина-старообрядца И. С. Мяндина // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Материалы / Центр истории и культуры старообрядчества имени боярыни Морозовой; Культурно-паломнический центр имени протопопа Аввакума; Культурно-просветительный центр «Старый Боровск»: в 2 т. М., 2014. Т. 2. С. 35—48.

15. Соломона печать // Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. Т. 9: Ск-У. СПб.: Азбука-классика, 2008.

16. Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга первая. М.: Художественная литература, 1988. 704 с.

References

1. Volkova T. F. Rukopisnye sborniki pechorskogo knizhnika I. S. Myandina [Hand-written collections of the Pechora scribe I. S. Myandina]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series history, philology]. Novosibirsk, 2011, vol. 10, release 8: Philology, pp. 201—215. (In Russ.)

2. Malyshev V. I. Ust-Tsilemskaya obrabotka Povesti o tsarevne Persike. *Issledovaniya i materialyi po drevnerusskoy literature : sbornik statey / AN SSSR, Institut mirovoy literatury im. A. M. Gorkogo* [Studies and materials on the Old Russian literature: collected articles / Academy of Sciences of the USSR, Institute of World Literature named. A. M. Gorky]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1961. Release 1, pp. 326—337. (In Russ.)

3. Volkova T. F. Ivan Stepanovich Myandin — redaktor drevnerusskih povestey (Nekotorye itogi izuchenija literaturnogo nasledija pechorskogo knizhnika) [Ivan Stepanovich Myandin — editor of Old Russian stories (Some results of studying the literary heritage of the Pechora scribe)]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Sankt-Peterburg, 2006, vol. 57, pp. 839—890. (In Russ.)

4. Lebedev Yu. V. *Sergey Vasilyevich Maksimov (1831—1901)* [Sergey V. Maksimov (1831—1901)]. *Maksimov S. V. Izbrannyye proizvedeniya: v 2 t.* [Maksimov S. V. Selected Works: In 2 v.]. Moscow, Khudozhestvennaya lit-ra Publ, 1987, v. 1. *God na Severe. Chast pervaya i vtoraya* [Year in the North. Part one and second], pp. 3—24. (In Russ.)

5. Malyshev V. I. *Ust'-Tsilemskie rukopisnye sborniki XVI-XX vv.* [Ust-Tsilma manuscript collections XVIII—XX centuries]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatelstvo, 1960. 215 p. (In Russ.)

6. Malyshev V. I. Ust'-Tsilemskie rukopisi XVII-XIX vv. istoricheskogo, literaturnogo i bytovogo sodержaniia [Ust-Tsilma manuscript of XVII—XIX centuries. historical, literary and domestic content]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1961, vol. 17, pp. 561—604. (In Russ.)

7. Malyshev V. I. Perepiska i delovye bumagi ust'-tsilemskih krest'ian XVIII—XIX vv. [Correspondence and business papers of Ust-Tsilem peasants of the 18th—19th centuries]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1962, vol. 18, pp. 442—457. (In Russ.)

8. Romodanovskaja E. K. *Povesti o gordom care v rukopisnoj tradicii XVII—XIX vv.* [The story of the proud king in the manuscript tradition of the XVII—XIX centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ, 1985, 384 p. (In Russ.).

9. Volkova T. F. *Drevnerusskaya literatura v krughe chteniya pechorskikh krestian. Pechorskiye redaktsii drevnerusskikh povestey* [Old Russian literature in the reading circle of Pechora peasants. Pechora editorial of ancient Russian stories]. Syktyvkar, Syktyvkar University Press, 2005. 306 p. (In Russ.).

10. Mikhaylova M. V. *Bibleyskiy syuzhet o tsare Solomone v hronograficheskoy i pechorskoj redaktsiyah* [The biblical story of King Solomon in chronological and Pechora editions]. *Duhovnoe nasledie narodov Respubliki Komi: istoriya i sovremennost: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. «Redkie knigi v fondah sovremennyih bibliotek, arhivov, muzeev»*, Syktyvkar, 15—16 maya 2008 g. (k 20-letiyu Otd. red. i rukop. kn. Nauch. b-ki Syktyvkar. gos. un-ta) [Spiritual heritage of peoples of the Republic of Komi: History and the Present: Materials Russian scientific and practical conference “Rare books in the collections of modern libraries, archives and museums” (the 20th anniversary of the Department of Rare Books and manuscripts of the Scientific Library SyktSU. Syktyvkar, May 15—16, 2008)]. Syktyvkar, Syktyvkar University Press, 2009, pp. 72—82. (In Russ.).

11. Volkova T. F. *Neizdannyye literaturnyye pererabotki ust-tsilemskogo knizhnika I. S. Myandina (1823—1894)* [Unpublished literary revisions of I. S. Myandin Ust-Tsilem scribe (1823—1894)]. *Knizhnyye tseny Respubliki Komi: Ust-Tsilemskiy rayon: sbornik materialov i issledovaniy, otv. red. T. S. Kaneva* [Book Centers of the Republic of Komi: Ust-Tsilemsky District: a collection of materials and research, Ed. ed. T. S. Kaneva]. Syktyvkar, Syktyvkar University Press, 2017. (Slovo i tekst v kontekste kultury. Release 2), pp. 19—116. (In Russ.).

12. Kosidovskiy Z. *Bibleyskie skazaniya* [Biblical stories]. Moscow, Politizdat, 1987, 456 p. (In Russ.).

13. Chalkova T. F. *Povest o tsaritse i lvitse v obrabotke I. S. Myandina* [The Tale of the Queen and the Lioness in the treatment of I. S. Myandin]. *Literatura i klassovaya borba epohi pozdnego feodalizma v Rossii: sbornik / AN SSSR, Sibirskoe otdelenie, Institut istorii, filologii i filosofii* [Literature and class struggle of the era of late feudalism in Russia: collection / Academy of Sciences of the USSR, Siberian Branch, Institute of History, Philology and Philosophy]. Novosibirsk, 1987, pp. 234—249 (*Arheografiya i istochnikovedenie Sibiri* [Archeography and Source Study of Siberia]). (In Russ.).

14. Volkova T. F. *Bibleyskiy syuzhet o Samsone i Dalide v obrabotke pechor-*

skogo krestianina-staroobryadtsa I. S. Myandina [Biblical story about Samson and Dalida in the treatment of the Pechora peasant-Old Believer I. S. Miandin]. *Staroobryadchestvo. Istoriya. Kultura. Sovremennost. Materialy. / Tsentr istorii i kul'tury staroobryadchestva imeni boyaryni Morozovoy; Kulturno-palomnicheskiy tsentr imeni protopopa Avvakuma; Kulturno-prosvetitelnyy tsentr «Staryy Borovsk»* [Old Believers. Story. Culture Modernity. Materials / Center for the History and Culture of the Old Believers named after the boyar Morozova; Cultural and Pilgrimage Center named after Protopopos Avvakum; Cultural and educational center «Old Borovsk»]. In 2 vol. Moscow, 2014, vol. 2, pp. 35—48. (In Russ.).

15. *Solomona pechat* [Solomon's seal]. *Vlasov V. G. Novyy entsiklopedicheskiy slovar izobrazitelnogo iskusstva: v 10 t, T. 9: Sk-U* [Vlasov V. G. New Encyclopedic Dictionary of Fine Arts: in 10 volumes, v. IX: sk-u]. Sankt-Peterburg, Azbukaklassika Publ, 2008. (In Russ.).

16. *Pamyatniki literaturyi Drevney Rusi: XVII vek. Kniga pervaya*. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1988, 704 p. (In Russ.).